

Асочакова Валентина Нестеровна

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ И ЯСАЧНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII-XIX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ)

В статье рассматривается влияние ясачной политики Российского государства в XVII-XIX вв. на формы, методы и результаты христианизации коренных народов Сибири. Охарактеризованы подходы к конфессиональному аспекту аборигенной политики светских и духовных властей. На примере Хакасско-Минусинского края проанализированы государственная политика и практика местной администрации в религиозном вопросе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 27-30. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(57)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается влияние ясачной политики Российского государства в XVII-XIX вв. на формы, методы и результаты христианизации коренных народов Сибири. Охарактеризованы подходы к конфессиональному аспекту аборигенной политики светских и духовных властей. На примере Хакасско-Минусинского края проанализированы государственная политика и практика местной администрации в религиозном вопросе.

Ключевые слова и фразы: христианизация; ясачная политика; миссионерская деятельность; Русская Православная Церковь; хакасы; Сибирь.

Валентина Нестеровна Асочакова, д. ист. н., доцент
Кафедра истории России
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
asocvn@mail.ru

**ХРИСТИАНИЗАЦИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ И ЯСАЧНЫЙ ВОПРОС
В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII-XIX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ)[©]**

Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди коренных народов, несомненно, зависела от ясачной политики, и в данной статье мы попытаемся проследить эту взаимосвязь на примере коренного населения Хакасско-Минусинского края.

В исторической литературе, посвященной деятельности Русской Православной Церкви в Сибири, вопрос о степени ее самостоятельности рассматривался неоднозначно. В период становления советской историографии, до середины 30-х г. XX в., когда еще не оформились окончательно идеологические установки марксистско-ленинской методологии, преобладали обличительные оценки всех аспектов политики Российского государства в Сибири. Среди работ означенного периода необходимо отметить исследование С. В. Бахрушина, который выделял разные направления и этапы правительственной политики в Сибири. Эволюцию аборигенной политики, в том числе религиозной, он связывал со сменой колониального интереса и фискальных целей Российского государства. Вместе с тем он отмечал и воздействие на религиозную политику теории просвещенного абсолютизма [2, с. 66-97]. Изменениями историко-культурных представлений в российском обществе в XVIII в. объяснял трансформацию религиозной политики в Сибири И. И. Огрызко [12].

С 1960-х гг. стали появляться работы, посвященные изучению ясачной подати: технология сбора, размер, характер, ведомственная принадлежность, статус ясачного населения [3; 7; 8; 17; 18]. Религиозная политика в Сибири рассматривалась в качестве составляющей административно-полицейской функции Русской Православной Церкви по отношению к коренным народам Сибири [8].

В результате присоединения Хакасско-Минусинского края к России в начале XVIII в. земли края стали собственностью монархии. Как и все коренные народы Сибири, принявшие подданство, хакасы платили ясачную подать в царскую казну. Из верховного права собственности вытекали их права: проживать на земле, объявленной собственностью государства, использовать для собственных нужд земли и угодья. На присоединенной территории установился ясачный режим.

Установленная государством монополия на пушной промысел выполняла фискальную функцию, создавая условия для хищнического истребления пушного богатства Сибири. В результате уже ко второй четверти XVIII в. произошли «перепромысел» пушного зверя и сокращение поступлений ясака в казну. В 1727 г. именным указом пушная монополия была отменена и разрешена свободная торговля всеми сибирскими мехами. Ясачные получили право продавать меха и вносить ясак деньгами [14, т. 7, № 5110, с. 819-821]. Правительство, пытаясь повысить доходы государства за счет высоких таможенных пошлин, фактически создало правовую лазейку для спекуляции пушниной и обогащения купцов и ростовщиков. В 1735 г. вышел указ, запрещающий брать ясак деньгами. В 1740-х гг. по предложению иркутского вице-губернатора был разработан специальный законодательный акт, категорически запрещающий ездить купцам по деревням и улусам с целью покупки пушнины. В случае покупки ее кем-либо в качестве пошлины взималась каждая десятая шкурка. Монополия государства на пушнину была восстановлена в 1752 г. [Там же, т. 11, № 18017, с. 20-30]. Вначале с целью сохранения объема ясака правительство в 1748 г. издало особый манифест «О нечинении на иноверцев и новокрещеных никаких долговых писем», в котором отмечались злоупотребления при сборе ясака. Для расследования фактов кабальных договоров с «иноверцами и новокрещеными» в Сибирь была направлена комиссия под руководством полковника Вульфа. В новых экономических условиях ясачным предоставили право подавать жалобы царским властям о злоупотреблениях при сборе ясака, отказываться от уплаты «незаконного ясака» [15, д. 32]. Поскольку в законе не был определен механизм реализации этих прав, то они носили скорее декларативный характер.

Во второй половине XVIII в. правительство приступило к политике правового регулирования ясачных отношений. В июле 1754 г. была создана законодательная комиссия с подразделениями в каждой губернии, но в целом ее деятельность не увенчалась успехом [13, с. 58-59]. Первая ясачная реформа была проведена в 1763-1769 гг. Причинами ее проведения стали непрекращающиеся злоупотребления при сборе ясака [14, т. 16, № 11749, с. 153].

В результате ясачной реформы сумма ясака увеличилась почти на 40 тыс. рублей, но по Нерчинску, Селенгинскому и Красноярскому уездам она уменьшилась в связи с переводом части коренного населения в казаки и освобождением от ясака, а также распространением ламаизма и христианства, сопровождавшимся предоставлением податных льгот [17, с. 62]. В соответствии с реформой ясак можно было вносить тремя способами: шкурами дорогих пушных зверей, шкурами других зверей в случае «неулова» и, наконец, деньгами.

Аборигены северо-востока Сибири – якуты, эвенки, юкагиры, эвены и другие вносили ясак соболинами и лисьими шкурами. Буряты – преимущественно деньгами от 1 руб. 20 коп. до 3 руб. 30 коп. за ревизскую душу, так как они сравнительно мало занимались охотой. Самый высокий размер ясака в Сибири – 12 собелей с человека – собирали с кетов (енисейских остяков). Столько же платили некоторые группы колымских юкагиров, остяки (селькупы) Томского уезда. В южных районах Сибири процесс обьясачивания определялся силой и возможностями с той и другой стороны. Складный размер ясака колебался от 4 до 6 собелей, но реальный сбор был существенно ниже. Часть кочевого населения всегда имела возможность уйти за пределы территории, на которую распространялось русское влияние [3, с. 122].

Ясачные Хакасско-Минусинского края, как и везде в Сибири, вносили ясак, который в денежном отношении был менее тяжелым, чем крестьянское и посадское тягло. Кроме того, они являлись реальными и юридическими владельцами своих угодий и имели право легального распоряжения ими. Они были освобождены от рекрутской, постоянной повинностей, «почтовой гоньбы» по Московско-Сибирскому тракту. Их не приписывали к заводам и не привлекали на различные казенные отработки. Статус ясачных стал более престижным с передачей (в 1764 г.) права сбора ясака Кабинету. Формально они оказались особым разрядом дворцовых крестьян. С этого времени родовую знать освободили от уплаты ясака, что заложило основы формирования прорусски ориентированного слоя среди ясачных Хакасско-Минусинского края и социальную базу для распространения православия.

Несмотря на ясачную реформу, до конца первой четверти XIX в. происходило постоянное сокращение поступлений в царскую казну натурального ясака, доля пушнины ценных пород сокращалась, а доля денег возрастала.

С 1797 г. коренные народы Сибири дополнительно к ясаку стали платить налог на содержание полковых лошадей, с 1806 г. – налог «на присутственные места», с 1810 г. вместо вышеперечисленных платежей был учрежден подушный сбор в размере 2 руб., который через два года (1812 г.) был увеличен еще на один рубль. Но по рекомендации Государственного совета этот дополнительный подушный сбор был отменен и определен снова в размере 44 коп. В 1814 г. стали собирать еще по 25 коп. на «устройство больших государственных дорог», с 1818 г. – по 5 коп. «на устройство водяных сообщений». Таким образом, к 1818 г. помимо ясака ясачные Сибири платили дополнительно в царскую казну по 74 коп. с души [13, с. 70-72].

В течение XVIII в. возрастали казенные обязанности ясачных Сибири. После заключения Буринского договора (1727 г.) была создана система охраны южно-сибирской границы: поставлено 30 караулов [9, с. 333-338]. С этими событиями связано введение ясачной повинности в области охраны государственных границ: снабжать пограничную службу необходимым количеством верховых лошадей, содержать подводы для почтовых и прочих служебных перевозок, обеспечивать питанием русских дозорщиков и кормом лошадей.

После доклада бывшего губернатора Сибири Ф. И. Соимонова на заседании правительствующего Сената в 1763 г. [15, д. 49] на ясачные народы Сибири была возложена подводная повинность [14, т. 16, № 1187, с. 259], которая до середины XIX в. обеспечивала связь сибирской окраины и Российского государства.

Деятельность Русской Православной Церкви в Сибири началась одновременно с царской администрацией. Во второй половине XVII в. предпринимаются попытки законодательно ограничить крещение аборигенов Сибири в связи с тем, что крещенные юридически подлежали исключению из числа плательщиков ясака. В связи с этим была издана серия правовых актов, с одной стороны, запрещающих обращать в холопство ясачных, принявших крещение (16 декабря 1684 г.) [Там же, т. 2, № 1099, с. 644-745], с другой – усложняющих порядок крещения. Например, по указу 1686 г. ясачные должны были подавать просьбу о крещении в воеводскую приказную избу, где специальная комиссия расследовала, действительно ли добровольно и «без корысти» хочет стать православным. Если выяснялось, что неофит пытается путем крещения скрыться от наказания за воровство, грабеж, бегство, то его выдавали единоверцам [Там же, № 1117, с. 662-663].

В течение XVIII в. правительство пыталось усилить идеологическое воздействие на коренное население Сибири, не сокращая при этом объемы ясачных поступлений. В течение первой четверти XVIII в. было издано несколько указов, касающихся обращения в православие «инородцев».

Но важное значение для насаждения христианства имел именной указ Петра I от 6 декабря 1714 г., который предписывал сибирскому митрополиту объехать все уезды, населенные нерусскими людьми, сжечь их «кумирни», а самих привести в православную веру, при этом каждому неофиту обещаны были холст на рубаху и льгота в уплате ясака [Там же, т. 5, № 2863, с. 133]. Этот указ определил общее направление миссионерской деятельности Русской Православной Церкви, но ряд важнейших вопросов, касающихся новокрещенных,

не конкретизировал. Дальнейшее развитие миссионерской деятельности связано с именем губернатора князя Черкасского, который определил вопросы содержания приходских священников, строительства церквей, награждения новокрещенных и др. [Там же, т. 6, № 8236, с. 234]. 1 сентября 1720 г. вышел указ об освобождении новокрещенных от ясака и всяких других государственных сборов сроком на три года. Указы от 23 августа, 17 июля и 2 ноября 1722 г. подтверждали льготы и освобождали от рекрутской повинности.

Анализ законодательных актов последующего десятилетия показывает, что новокрещенные не получали обещанных льгот [Там же, т. 11, № 8236, с. 248-255], законы о крещении, изданные Петром I, «не все так исполняется, как надлежало», либо «забвению предано». Были разработаны меры, направленные на усиление христианизации коренных народов Сибири (обучение христианскому вероучению, перевод Священного Писания на языки коренных народов, организация специальных миссионерских отрядов из числа священнослужителей). Рекомендовалось избегать всякого насилия и давления при крещении, а также избирать крестными родителями русских людей. Подтверждались льготы от всех государственных сборов сроком на три года, при этом оговаривалось, что эти сборы необходимо взыскивать с некрещенных «иноверцев». Предлагалось вознаграждение неопитам: медные крестики, рубахи нательные, кафтаны, штаны, шапки, рукавицы, обувь. Знатных поощряли более щедро: кресты серебряные, «кафтан из сукон крашенных, какого цвета кто похочет, ценою по 50 коп. аршин, а вместо чириков сапоги по 45 коп., а женскому полу волосники и очельники, по рубахе холщовой» [Там же]. Кроме того, новокрещенные получали и денежное вознаграждение в зависимости от пола и возраста от 1 рубля 50 коп. до 50 коп. Если крестилась вся семья, то в дом выдавали по иконе. Таким образом, в течение второй половины XVIII в. практические вопросы организации христианизации ясачных Сибири были разрешены.

Интенсификация политики христианизации коренных народов Сибири была вызвана первой ясачной реформой. В епархиях введены должности штатных проповедников-миссионеров, определено им специальное жалованье [Там же, т. XVI, № 2116]. Разработаны присяга и правила миссионерской деятельности «Руководство для обращения иноверцев». Приходским священникам запрещалось впредь без разрешения ездить с целью крещения. Первые штатные миссионеры в Тобольской епархии – Никита Арамельский и Алексей Михайловский были назначены Тобольским митрополитом Павлом Конюсковичем 20 февраля 1764 г.

Усилены были административные меры: князцы и старшины обязывались сообщать обо всех случаях уклонения от крещения или чинимых препятствиях. Определены полномочия воеводских канцелярий – материально обеспечивать миссионеров, выдавать проездные, «приличное число служилых людей, толмача, оказывать всякое вспомоществование». Новокрещенные получали «по семь аршин сукна, три четверти холста на рубашки, пуговицы, чтобы шили христианскую одежду» [16, д. 52, л. 11, 12 об. - 16], и на три года освобождались от ясака и «излишних налогов».

Сибирская ясачная комиссия опасаясь, что некоторые принимают крещение формально с целью получить льготу по уплате ясака, обязала власти на местах записывать во всех документах, книгах новокрещенных только по православным именам.

Политика христианизации в последней трети XVIII в. ознаменовалась также и усилением судебноподлицейских мер, направленных против выхода из православия и двоеверия. Также в 60-е годы XVIII в. новокрещенные ясачные получили право, в отличие от некрещенных, совершать сделки с русскими о покупке и продаже земли.

В 1789 г. Синод резко ограничил деятельность миссионеров в Казанской и Иркутской епархиях, в Тобольской она проводилась с ограничениями до 1799 г. В следующем, 1800 г. миссионерские поездки были запрещены по Красноярскому заказу.

В результате перехода к активным формам миссионерской деятельности произошло резкое увеличение православных среди коренных народов Сибири. В 1760-е гг. крещенные составляли 39,2% от общего числа хакасов [4, д. 40, л. 1-38, д. 44, л. 36-44, д. 131, л. 1-11]. Даже в 1854 г. среди крещенных были те, кого крестили еще Алексей Михайловский и Никита Арамельский или, как называли его некоторые, «кузнецкий протопоп Никита» [10, д. 73, л. 262, 286].

В 1830-е гг. в Сибирь была направлена вторая ясачная комиссия. Николай I лично отредактировал «наставление» комиссиям Западной и Восточной Сибири, включавшее в себя более 60 пунктов. Главной задачей комиссии было обложение ясачной податью кочевых и бродячих «инородцев» Сибири. Удельный вес ясака колебался от 10 до 20% в Западной Сибири и от 11 до 52% – в Восточной [7, с. 158]. Новый размер ясачной подати превышал нормы 1763 г. в 3,6 раза, что привело к формированию недоимок. По мнению Л. М. Дамешека, содействие распространению христианства со стороны правительства ограничивалось предоставлением крещеным «инородцам» льгот по платежу ясака [Там же, с. 161]. А. П. Величко, работавший членом комиссии по составлению проекта свода степных законов «инородцев» Восточной Сибири, в записке, представленной Сибирскому комитету, привел данные о численности кочевых «инородцев» мужского пола по их вероисповеданию в начале 30-х гг. XIX в. Буряты: православных – 5680, ламаистов – 34585, шаманистов – 27901. Тунгусы: православных – 2925, ламаистов – 2405, шаманистов – 776. Якуты: из общего числа мужчин – 76918, только 485 шаманистов, остальные – православные [17, с. 58-59]. Хакасы: православные – 9955, шаманисты – 776 [5, д. 9, 14, 15; 6, д. 373].

К 30-м гг. XIX в. в христианство перешли практически все народности Якутии, значительная часть коренного населения Хакасско-Минусинского края. Сравнительно мало было крещено бурят и тунгусов. То есть христианство успешнее распространялось там, где не было ламаизма.

Дальнейшие изменения в фискальном положении коренных народов Енисейской губернии были определены указом 1835 г. «О вновь положенных на кочевых и бродячих инородцев окладов – звериными шкурами и деньгами». Теперь сумма ясачной подати составляла около 35,5% [11, д. 178; 17, с. 82-125], что свидетельствует о высокой норме эксплуатации ясачного населения Сибири со стороны государства. Со второй половины 30-х гг. XIX в. в связи с развитием товарно-денежных отношений наметилась тенденция сокращения пушнины в составе ясака. В 1840-1860-е гг. все коренное население Енисейской губернии, независимо от категории, платило 44 коп. подушного сбора, 9 коп. – на содержание земской полиции, 24 коп. – на устройство дорог и 5 коп. – на содержание водных путей [11, д. 752, л. 1-52].

Таким образом, с последней трети XVIII в. в политике христианизации коренных народов начинается новый этап, сущность которого в изменении ее форм и методов, активизируется миссионерская деятельность. Государственная власть вынуждена была маневрировать между стремлением сохранить мирную обстановку в регионе, исправно получать ясак и расширить зоны идеологического воздействия.

Но льготный фискальный статус ясачных не способствовал христианизации хакасов, тем более что они опасались усиления тягла в случае крещения и перехода в оседлое состояние. Освобождение от ясака новокрещеных провоцировало их на неоднократное крещение. Коммутация ясака, введение дополнительных повинностей в 40-50-е гг. XIX в. привлекали некоторые категории ясачных к принятию православной веры. Хакасская знать, утратив свое привилегированное положение с присоединением к Российскому государству и приобретением статуса ясачных в структуре российского общества, искала подтверждение своей власти и авторитета в традициях и обычном праве. Поскольку православие справедливо ассоциировалось в их сознании с Российским государством и российскими юридическими нормами, то родовая верхушка хакаского общества не стала проводником политики христианизации.

Список литературы

1. Андреевич В. К. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным собранием законов: в 5-ти т. Иркутск, 1886. Т. II. 1700-1741. 353 с.
2. Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Петроград, 1922. Вып. 2. 136 с.
3. Бродников А. А. Сбор ясака: зависимость процесса объяснения от потестарно-политической ситуации в регионе // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 122-128.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 592. Оп. 1.
5. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1.
6. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1.
7. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири: XIX – начало XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1986. 165 с.
8. Дамешек Л. М. Русская церковь и народы Сибири в I половине XIX в. // Социально-экономическое развитие Сибири XIX-XX вв. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1976. С. 39-46.
9. Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения: XVII-XIX вв. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1996. 396 с.
10. Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «Архив г. Минусинска»). Ф. 17. Оп. 1.
11. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. И-2. Оп. 1.
12. Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л.: Учпедгиз, 1941. 148 с.
13. Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. М., 1833. 298 с.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): в XLV т. СПб., 1830.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 24. Оп. 1.
16. Тобольский филиал государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО). Ф. 156. Оп. 1. 1750.
17. Федоров М. М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России: XVII – начало XIX в. Иркутск, 1991. 208 с.
18. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

CHRISTIANIZATION OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA AND TRIBUTE QUESTION IN RUSSIAN STATE POLICY IN THE XVIITH-XIXTH CENTURIES (BY THE EXAMPLE OF KHAKASS-MINUSINSK REGION)

Valentina Nesterovna Asochakova, Doctor in History, Associate Professor
Department of Russian History
Khakass State University named after N. F. Katanov
asocvn@mail.ru

The author considers the influence of the Russian state tribute policy in the XVIIth-XIXth centuries on the forms, methods and results of the Christianization of the indigenous peoples of Siberia, describes approaches to the confessional aspect of secular and religious authorities' aboriginal policy, and by the example of Khakass-Minusinsk region analyzes the state policy and local administration practice in religious question.

Key words and phrases: Christianization; tribute policy; missionary activity; Russian Orthodox Church; the Khakasses; Siberia.